

ЭФОРУМ

№ 2 (43) апрель, 2015 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ

 ЛАБОРАТОРИИ
 ЭКОНОМИКО-
 СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
 ИССЛЕДОВАНИЙ
ЗНАКОМИМСЯ.....2

Чтобы быть успешным, необходимо стать профессионалом в различных культурных нормах. Интервью с Иваном Аймалиевым

УЗНАЕМ.....5

Solo sociologo obligato.
 Рецензия на книгу
 «Жизнь соло: Новая социальная реальность»

УЧИМСЯ.....8

Природа незарегистрированных союзов в России

ШУТИМ.....13

Экзаменационная находилка

Уважаемые читатели!

Представляем вашему вниманию апрельский номер бюллетеня «ЭСФорум». Мы надеемся, что в нем вам удастся почерпнуть что-то новое, ведь название месяца «апрель» происходит от латинского глагола *aperire* — «открывать».

Итак, открываем наш номер.

В рубрике «Знакомимся» опубликовано интервью с Иваном Аймалиевым, младшим научным сотрудником ЛЭСИ и Лаборатории социологического анализа, где он рассказывает о своей биографии, интересах и важности для исследователей работы в разных культурных нормах. Иван обладает большим опытом изучения коррупции в полиции, что позволяет ему неожиданно интерпретировать типичные для этой области, но все еще остающиеся *terra incognita* вопросы: почему коррупционные сети являются такими устойчивыми, несмотря на все реформы? Что общего и в чем отличия коррупции от организованного преступления? Каково будущее исследований коррупции?

В рубрике «Узнаем» представлены размышления студентки факультета социальных наук НИУ ВШЭ Анастасии Баранник над книгой Эрика Кляйненберга «Жизнь соло: Новая социальная реальность» (Альпина нон-фикшн, 2014). Эта книга сама по себе является открытием функциональных аспектов проживания в одиноче-

стве в современном американском обществе. Отказываясь смотреть на одиночество в однозначно негативном ключе, американский социолог демонстрирует, что жизнь соло далеко не всегда похожа на вынужденную высадку на необитаемом острове, а встреча с Пятницей желанна не для любого современного Робинзона Крузо. Мотивации выбора одинокой жизни могут быть самыми разными: от стремления к особой индивидуальной свободе до осознанного избегания травм, связанных с возможным расставанием.

В рубрике «Учимся» опубликовано эссе студентки факультета социальных наук НИУ ВШЭ Алены Артамоновой «Природа незарегистрированных союзов в России», в котором она анализирует феномен сожителств – своего рода открытия для современных российских демографов. Автор пытается оценить этот феномен и понять является ли он альтернативой официальному браку в России. Эссе написано по материалам работы, завоевавшей первое место в конкурсе научно-исследовательских работ студентов по социологии НИУ ВШЭ в 2014 г.

В рубрике «Шутим» представлена «экзаменационная находилка». С ее помощью преподаватели во время письменных экзаменов могут тренировать внимание и смекалку, которые позволят сделать им неожиданные открытия.

**Увлекательного чтения!
 Создатели «ЭСФорума»!**

Чтобы быть успешным, необходимо стать профессионалом в различных культурных нормах

Иван Аймалиев

младший научный сотрудник ЛЭСИ, младший научный сотрудник Лаборатории социологического анализа НИУ ВШЭ

– Расскажите немного об этапах вашей академической карьеры.

– С 2014 г. я работаю младшим научным сотрудником в Лаборатории экономико-социологических исследований и в Лаборатории социологического анализа в НИУ ВШЭ. До прихода в ВШЭ я стажировался в Marker Global в Лондоне, Transparency International в Москве и в международной политической организации в Брюсселе. Мои научные интересы связаны с экономикой развития, неформальностью, коррупцией, организованной и тяжелой преступностью, мафией и политическим насилием.

Я получил две магистерские степени: в области экономики и бизнеса в Университетском колледже Лондона (University College London UCL, Лондон, Великобритания) и в области международных отношений в ВШЭ. Мое магистерское образование полностью финансировалось Европейской комиссией, а мое докторское исследование финансируется Высшей школой экономики.

В рамках моего диссертационного исследования я анализирую институциональные причины жертвований в болгарскую полицию организациями. Кроме того, я изучаю топологию и устойчивость (*resilience*) элитных коррупционных сетей в полиции в нескольких развивающихся и развитых странах и разрабатываю первую методологию для обнаруже-

ния коррупции, основанную на социальных сетях. Мой научный руководитель – Леонид Янович Косалс. Я также глубоко признателен доценту факультета менеджмента Валентине Кусковой и всей исследовательской группе Международной лаборатории прикладного сетевого анализа НИУ ВШЭ за неоценимую помощь, инновационные идеи и методические советы.

– Не могли бы вы подробнее раскрыть тему текущих исследований?

– Несмотря на то что жертвования полиции являются законными в ряде развитых демократических стран, финансовые отчеты этих транзакций часто скрыты. В 2011 г. полиция в болгарском МВД получила жертвований больше, чем когда-либо прежде, не менее 5 млн евро от юридических и физических лиц. Но по причине осуждения как внутри страны, так и за рубежом, в дальнейшем (с 1 сентября 2011 г.) практика жертвований была признана незаконной для частных лиц и частных предпринимателей, а с июля 2013 г. практика стала абсолютно незаконной для любых групп граждан. Под давлением общественности Министерство опубликовало прежде засекреченную статистику жертвований.

Учитывая, что прежде легальная и широко распространенная практика стала незаконной и публично осуждаемой за два года, а также принимая во внимание неоднозначный характер денежных жертвований государственным служащим, я изучаю связанный со всем этим социальный контекст. В частности, почему одни районы Болгарии получили пропорционально больше жертвований в полицию, чем другие. Кроме того, я хочу понять, почему и как различные организации отвечают на внешнее давление к институциональным изменениям. Для решения этих вопросов я использую институциональную теорию, теорию картельного захвата (*cartel-capture*) и теорию социальных движений и тестирую

их с помощью разнообразных количественных методик на инновационной количественной базе данных, которая включает жертвования в полицию Болгарии за 2011 г. и региональные факторы.

Я предполагаю, что сочетание высоких налогов, громоздких принципов государственного регулирования, жесткой конкуренции в бизнесе и склонность полиции затягивать с раскрытием уголовных дел повышает вероятность увеличения размеров жертвований полиции. Кроме того, можно предположить, что региональные эффекты институционального давления будут более значимыми для потребителей и малого бизнеса с меньшей политической силой, чем для более крупных корпораций, способных лоббировать изменение законов перед лицом государства; а также для коммерческих фирм по сравнению с НКО, для которых экономическая рациональность является не столь существенным фактором.

Мой основной вклад в институциональную теорию заключается в попытке иллюстрации того, как и почему менее влиятельные, разнообразные малые и средние по размеру организации, не обладающие достаточными ресурсами для самостоятельного достижения институциональных изменений, образуют сети и объединяются в картельные коалиции для захвата государственных органов, чтобы добиться институциональных изменений с помощью разработки скрытых, нелегальных, но ненасильственных мер в слабом государстве. Кроме того, моя работа обогащает теории корпоративной филантропии и политических связей благодаря изучению институциональных факторов жертвований в полицию. Болгарский опыт релевантен для изучения отношений между полицией и бизнесом как в других постсоциалистических странах, так и в развитых демократиях, где жертвования в полицию являются легальными.

Я выступал с результатами своего исследования на международных

конференциях в Германии, России, Великобритании и США.

– Почему коррупция так устойчива, несмотря на реформы?

– Коррупция существует с незапамятных времен. Несмотря на социальноэкономические трансформации и реформы, коррупция всегда была невероятно успешным предприятием, постоянно эволюционировала и обростала новыми элементами. Чтобы процветать вопреки институциональным изменениям, коррупция должна обладать набором устойчивых характеристик. Причины ее устойчивости основываются на комбинации социальных, экономических, политических и структурных факторов. Поэтому любая успешная антикоррупционная реформа должна бороться с коррупцией на всех этих четырех уровнях.

Давайте для начала обратимся к социальноэкономическим факторам. Коррупция распространяется, эволюционирует и реплицирует себя за пределами жизни текущего поколения через социальную структуру и культуру. Когда коррупция глубоко внедряется в институциональную логику, она становится нормой, и в этом случае бороться с ней исключительно сложно. Как же бороться с коррупцией, когда она неформально принимается? Опыт некоторых новых постсоциалистических стран участников Европейского союза показывает, что даже когда появляются новые законы и внешний контроль, преступность сохраняется. В странах, где коррупция встроена в культуру, любая реформа потерпит неудачу, если она не будет поддерживаться полноценным антикоррупционным образованием и изменением культуры. Вдобавок феномен коррупции часто бывает скрыт за легальным фасадом государственных организаций, не поддаваясь непосредственному наблюдению по причине общественного осуждения. Участники, жертвы или свидетели коррупционных практик, опасаясь личного возмездия, обычно не желают передавать точную информацию. Сотрудники правоохранительных органов, судьи и политики также могут не желать принимать какое-либо участие, когда ставки слишком высоки.

Государственные должностные лица обладают властью, недоступной любому другому сотруднику, и знанием о методах расследования. Это делает исследование коррупции, антикоррупционный контроль и борьбу исключительно сложными задачами.

Давайте теперь обратимся к устойчивым структурным характеристикам коррупции. Исторически коррупционные сети были керамическими (*ceramic*). Аналогично скрытым и теневым, коррупционные сети сталкиваются с компромиссом между секретностью и эффективностью. Связи увеличивают не только доход, но и риск обнаружения. Чтобы защитить себя, коррумпированные чиновники обычно ограничивают число связей, избегают центрального положения, полагаются на временные небольшие объединения и диверсифицируют обязанности участников. Коррупционные объединения, как и организованные преступные группировки, обычно имеют несколько механизмов защиты. Они создают буферные звенья на периферии с целью защиты ядра. Периферийные участники, как правило, отвлекают внимание, тогда как центральные участники держатся от открытых действий на почтительном расстоянии, чтобы снять любые подозрения о своей причастности к уголовным действиям. Кроме того, коррумпированные сети встроены в паутину влиятельных фигур политики, бизнеса и криминального мира, которые финансируют и защищают их от внутренних и внешних угроз.

Подобная социальноэкономическая взаимозависимость усложняет борьбу с коррупцией. Когда все являются участниками одной игры, альтернативные издержки высоки. Одна из причин, почему коррупция была столь устойчивой к институциональным изменениям, заключается в том, что антикоррупционные реформы в большинстве своем были непоследовательными, случайными, нацеленными на менее включенных участников. Чиновники высокого уровня, которые и поддерживают сеть, часто остаются безнаказанными, что оставляет ядро сети нетронутым. Успешные антикоррупционные реформы должны быть продолжительными, информированными и

нацеленными на коррумпированных чиновников высокого уровня с большими связями. Тем не менее наиболее простые и эффективные решения не всегда являются политически приемлемыми.

– Если во многом коррупция так схожа с организованной преступностью, что же отличает ее от обычного преступления?

– Федерико Варезе утверждает, что и вор, и коррупционер вовлечены в преступную деятельность. Но если вор просто забирает имущество жертвы, то взяточник не ворует, а приобретает ресурс, который не может получить иным способом. Диего Гамбетта отмечает, что коррупция представляет собой триаду, включающую коррупционера, взяточодателя и общество. В отличие от обычной преступности, коррупция непременно подразумевает злоупотребление общественным доверием и незаконный обмен по заранее согласованной цене. Здесь я бы добавил, что в противоположность краже, где вор наживается за счет жертвы, в коррупционном сговоре (*collusive corruption*) чистую прибыль получают и покупатель, и продавец, что, как правило, происходит в ущерб более широким слоям общества. Это, тем не менее, не характеризует вымогательство (*extortive corruption*), где государственный служащий получает прибыль за счет взяточодателя, который остается в минусе.

– Как вы видите будущее исследований коррупции?

– Концептуализация и расчет являются первым шагом в любом научном начинании. Тем не менее современные методики измерения коррупции страдают от нескольких проблем. Индексы восприятия коррупции нередко не контролируют частоту взаимодействий с чиновниками, политически необъективны или отражают социальные стереотипы вместо реальной действительности. Политически беспристрастные исследования более высокого качества необходимы для улучшения измерения коррупции. Кроме того, необходимо разработать объективный метод измерения коррупции, подходящий для межстранового анализа.

Где на настоящем этапе находится изучение коррупции? Экономисты эмпирически изучили на макроуровне социально-экономические причины коррупции и ее влияние на различные показатели эффективности и развития. Политологи обратили внимание на исторические корни коррупции и экономическую стоимость политических связей для фирм. Социологи и криминологи рассмотрели социальное конструирование коррупции, типологизировали ее проявления и разграничили ее с другими формами преступления и даром. Антропологи показали, как, почему и при каких обстоятельствах люди вступают на путь коррупции и в дальнейшем по нему продвигаются. Экспериментаторы предложили политику по контролю и снижению уровня коррупции.

Каковы будущие направления исследований коррупции? Большинство социальных ученых рассматривали коррупцию как изолированное явление. Тем не менее коррупция в значительной степени сетевое явление, и оно должно изучаться как таковое. Я утверждаю, что будущие исследования должны выходить за рамки анализа дисперсии. Мы должны развивать теорию коррумпированных сетей и сетевую теорию коррупции. По этой причине к исследованиям коррупции необходимо применять анализ социальных сетей.

Сетевой подход позволяет ответить на следующие вопросы: как коррупция формирует социальную структуру? как образуются коррупционные связи? как коррупция организовывается, распространяется через социальные связи, развивается и распадается? почему коррупция так устойчива? предшествуют ли личные или деловые связи коррумпированным? как лучше контролировать и разрушать коррупционные сети? и т.д. Изучение сетевой конфигурации предлагает государственным органам идеи по обнаружению, контролю и разрушению коррупционных сетей. Также подобные знания позволяют предпринимателям манипулировать сложными сетями государственных должностных лиц и их подчиненных.

– **Обращаясь к вашему богатому международному опыту образования и научной работы, удалось ли вам найти какие-либо интересные культурные различия между Бельгией, Болгарией, Англией и Россией? Есть ли у них что-то общее?**

– Индустриализация и глобализация имели значительные социальные, культурные и экономические последствия. Как свидетельствует Всемирное исследование ценностей (World Value Survey), богатые страны, хорошо интегрированные в мировую финансовую систему, имеют в значительной мере отличающиеся ценности по сравнению со странами развивающимися. Современные развитые демократии, которые

обладают устойчивостью. В то время как социальные ценности постепенно меняются, они по-прежнему отражают культурное наследие общества. Действительно, модернизация не создает гомогенизированную мировую культуру. Даже существенная экономическая, социальная и политическая интеграция индустриальных обществ не делает их полностью похожими друг на друга.

Понимание представителями различных культур формальной и неформальной коммуникации, личностного развития, обучения, работы и личных отношений во многом различается. Что наиболее важно, в значительной степени различается отношение общественности к коррупции между национальными государствами. То, что считается коррупцией в определенных институциональных условиях, может считаться вполне приемлемым в других странах. Подобными примерами могут служить, например, пожертвования в полицию и практики покупки красивых регистрационных номеров автомобилей.

Таким образом, в то время как экономическое развитие является основным фактором для культурных изменений, многие другие факторы также оказывают влияние на этот процесс. Чтобы понять причины культурных различий, любой анализ должен учитывать также исторические, политические и культурные контексты общества.

Я мог наблюдать эти культурные процессы, когда жил в действительно крупных городах. Например, в UCL я учился в классе, состоящем из примерно 27 людей 15 различных национальностей. Как правило, приемные комиссии самых престижных программ магистратуры и аспирантуры никогда не принимают слишком многих людей одной национальности. Цель – позволить выпускникам приобрести международный опыт, узнать, как общаться, сотрудничать, работать и жить в действительно культурно разнообразной среде и, самое главное, создать широкую сеть выпускников по всему миру. Это одна из самых сильных сторон высокорейтинговых высших учебных заведений.

Рис. П. Лисогорского.

были исторически более открыты для внешней торговли и практик свободного рынка, показывают в среднем более рациональные, доверительные, мирные и толерантные ценности и менее враждебны по отношению к чужим, чем некоторые развивающиеся общества с исторически более закрытой экономикой. Хотя глобализация имеет определенное гомогенизирующее влияние на культуру, я бы согласился с профессором Рональдом Инглхартом в том, что влияние традиционных систем ценностей сохраняется и вряд ли полностью исчезнет, так как подобные системы обладают исключи-

Британские преподаватели очень сильно вкладываются в академическое развитие своих студентов с помощью трудных, но честных экзаменов, частых проверок, захватывающих дискуссий, групповой работы, презентаций и конференций. Интеллектуальное развитие является лишь частью истории. Развитие личности также имеет значение. Лучшие университеты Великобритании стремятся сформировать у студентов как профессиональные, так и личностные навыки, которые помогут им применить свои академические знания в инновационных, широкомасштабных бизнес-проектах. Британские преподаватели намеренно мотивируют студентов работать в многонациональных коллективах, чтобы те приобретали институциональные предпринимательские навыки. Академическая система действует таким образом, что академические показатели эффективности студентов зависят от их способности работать в культурно разнообразном окружении.

В по-настоящему глобализованном мире политики, ученые и руководители должны научиться работать с людьми и мотивировать людей разных культур. Во многих случаях рабочие процессы нарушаются не из-за отсутствия профессионализма, но из-за культурных столкновений. Для того чтобы быть успешным в том, что вы делаете (независимо от того, являетесь ли вы политиком, государственным служащим, ученым или предпринимателем), вы должны стать профессионалом в различных культурных нормах и ценностях и научиться уважать национальные особенности. Способность учиться у других, быстро адаптироваться, быть терпеливым и терпимым, действовать дружелюбно, но разумно и адекватно даже в самых стрессовых ситуациях – высшая форма интеллекта.

– Чем вы занимаетесь в свободное от академических исследований время?

– Я люблю заниматься спортом, играть и слушать музыку из доклассического и классического периодов, романтизма и импрессионизма. Музыка – это дар и высший вид искусства. Она вдохновляет, заряжает энергией, гармонизирует и гомогени-

зирует эмоциональное пространство. Мне нравятся мощные, но спокойные органые произведения Иоганна С. Баха, Сен-Санса и Шопена. Я обожаю русских композиторов. Для русских характерен уникальный подход не только к науке, но и в музыке. Мне нравятся произведения композиторов «Могучей кучки», драматические этюды Скрябина, порывистый Второй фортепианный концерт Прокофьева и мощный Первый концерт Чайковского. Тем не менее моим любимым русским композитором всегда был и остается Сергей Рахманинов. Его Второй и Третий концерты для фортепиано и Рапсодия на тему Паганини совершенно невероятны. Он обладает уникальным *touché*, непревзойденной музыкальной фантазией и замечательными способностями передавать эмоциональные послания через его богатые и глубокие ноты, полные нюансов.

– Хотели бы вы сотрудничать с российскими профессорами?

– В НИУ ВШЭ есть колоссальные ресурсы для проведения передовых междисциплинарных исследований коррупции. Я был бы рад поработать совместно с российскими и международными профессорами. В работе с западными и российскими исследователями криминологии и коррупции есть определенные различия. Из-за особенностей институциональной среды у русских есть «врожденное» понимание теории коррупции. К тому же достаточно трудно впечатлить российских исследователей или студентов какими-либо эмпирическими результатами. Для того чтобы убедить их в важности анализа коррупции для теории и политики, нужно работать больше. Я особенно заинтересован в проведении анализа российских полицейских коррупционных сетей и сравнении результатов с западными коррупционными сетями. Также я был бы рад получить данные по российской организованной коррупции, и в частности коррупции в правоохранительном секторе.

В подготовке интервью принимали участие Елена Конобеева и Алексей Щетинин.

Анастасия Баранник

студентка факультета социальных наук НИУ ВШЭ

Рецензия на книгу: Кляйненберг Э. Жизнь соло: Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.

Эрик Кляйненберг, американский социолог, доктор философии Нью-Йоркского университета, приверженец школы урбанизма, наиболее известен своей деятельностью, связанной с популяризацией социологии. В конце 1990-х годов Кляйненберг написал книгу «Жара» («Heat Wave»), в которой, помимо всего прочего, рассказал о последствиях сильной жары в Чикаго в 1995 г. Тогда сотни людей, проживающих в одиночестве в своих квартирах и домах, умерли из-за того, что оказались совершенно изолированными от остальных жителей города. В процессе изучения этой ситуации Эрик Кляйненберг заинтересовался темой одиночества как такового. Так в 2012 г. появилась книга «Жизнь соло: Новая социальная реальность», обобщающая результаты проведенного автором научного исследования новой тенденции в обществе, согласно которой жизнь в одиночестве оказывается не вынужденным, а сознательным выбором человека.

«Жизнь соло» это размышление об одиночках, их мотивации и последствиях выбранной жизненной стратегии. Термин «одиночка» (*singleton*) используется автором в качестве определения людей, которые живут одни. При этом важно отметить, что *одиночка* это не обязательно одинокий человек. Напротив, многие одиночки, как выяснилось в ходе исследования, ведут актив-

Solo sociologo obligato.

Рецензия на книгу «Жизнь соло: Новая социальная реальность»

ную социальную жизнь. В данном контексте речь идет только о проживании отдельно от других людей. Одиночки могут иметь родственников, друзей, знакомых. До недавнего времени жизнь в одиночестве, по мнению Кляйненберга, рассматривалась исследователями как переходный период между более устойчивыми формами организации семейного быта. Однако сейчас можно говорить о том, что *жизнь соло* является одной из самых жизнестойких форм организации домохозяйств. На сегодняшний день 31 млн человек, т.е. приблизительно один из семи взрослых американцев, проживают в одиночестве. Многие молодые профессионалы, разведенные мужчины и женщины, пожилые люди предпочитают жить отдельно. Речь идет не только о США, но и о ряде других развитых стран.

Несмотря на широкое распространение явления *жизни соло*, сам феномен остается малопонятным, а обсуждение причин появления такого количества одиночек вызывает жаркие споры как в научной среде, так и в повседневном дискурсе.

Зачастую жизнь в одиночестве трактуется как дисфункциональный социальный феномен и связывается с увеличением степени отчужденности, распадом гражданского общества и прочими пугающими тенденциями. Кляйненберг настаивает на том, что такая постановка вопроса не просто в корне неправильна, но даже вредна. Сконцентрировавшись не на критике явления, а на том, почему все больше людей начинают жить в одиночестве, можно понять что-то очень важное о самой природе человека и о ценностях современного общества.

Таким образом, основной задачей исследования Кляйненберга является поиск и раскрытие фундаментальных особенностей *жизни соло*, присущих большинству одиночек. Кляйненберг ставит перед собой ряд вопросов, некоторые среди них, как признается сам автор, носят не только исследовательский, но и личный характер, а многие – как приходится признать после прочтения его книги, так и не находят ясного ответа. Является ли увеличение числа одиночек свидетельством того, что растет недоверие между родственниками? или подобный образ жизни привлекает азартных людей и искателей приключений? или же это способ защитить себя от травм, связанных с возможным расставанием? Отдельно автора занимает проверка предположения о влиянии Интернета на потребность человека в личных социальных контактах. Кляйненберг связывает трансформацию одинокого образа жизни с воздействием постоянного нахождения «онлайн» и непрерывающегося общения при помощи Интернета.

Важным вопросом для автора является то, как происходит (и происходит ли) сохранение социальных связей одиночек после того как они переезжают, заболевают или стареют.

В поисках ответов на эти вопросы автор проводит более чем 300 интервью с людьми, живущими отдельно. Книга представляет собой собрание историй, нар-

tribework.blogspot.com

ративов, тесно переплетенных с аналитическими комментариями автора. В основном это истории одиночек, которые живут в крупных мегаполисах. Кроме бесед непосредственно с одиночками, исследователь также проводил интервью с родственниками обособленно проживающих людей, социальными работниками, политиками, всеми теми, кому небезразлична проблема одиночества.

Как живет одному?

Первое, что бросается исследователю в глаза, – многие одиночки воспринимают свое положение позитивно. Это стимулирует автора разобраться в мотивах, лежащих в основе желания жить отдельно от других людей. Теоретически Кляйненберг связывает подобную тенденцию с появлением и укреплением в последнем столетии культа индивида. Кроме того, он подмечает четыре социальных фактора, которые ускорили расцвет индивидуализма: усиление роли женщины, революция в средствах массовой информации, массовая урбанизация, а также резкое увеличение средней продолжительности жизни. Эмпирические данные позволяют Кляй-

ненбергу углубить теоретические гипотезы с опорой на то, как *жизнь соло* понимается самими одиночками.

Выясняется, что из аутсайдерства жизнь в одиночестве становится показателем успеха, индикатором неординарного жизненного пути. Для молодых одиночек *жизнь соло* предоставляет возможность сконцентрироваться на работе, продвижении по карьерной лестнице. Одиночки подчеркивают возможность получения полной независимости, свободы распоряжаться своим временем и отсутствия морального давления со стороны других людей. Правда, все эти бонусы «свободной» жизни ценны в краткосрочном периоде.

Кляйненберг отмечает, что одиночки в основном воспринимают свое положение как этап в развитии, а не конечную цель своей жизни. Так, многие одиночки красочно описывают преимущества *жизни соло*, утверждая, что получают от нее все, что им нужно. Но уже через несколько лет некоторые из них могут начать задумываться о том, как и куда идти дальше по жизни, и далеко не всем хочется проделывать этот путь одному.

Что заставляет закоренелых одиночек менять свою жизнь, впуская в нее других людей? Кляйненберг полагает, что угроза остаться в одиночестве в старости или болезни, тогда, когда присутствие и помощь другого человека не просто приятна эмоционально, но и необходима физически, является одним из основных мотивов прекращения (или попыток прекращения) *жизни соло*. Таким образом, автор сталкивается с тем, что позитивные интерпретации *жизни соло*, возможно, актуальны скорее для представителей молодых возрастов. Трудно-

сти же одинокой старости (которые, вероятно, послужили причиной того, что в обществе сложилось негативное отношение к феномену жизни в одиночестве) едва ли оставляют место для оптимизма.

В дуэте с социальной реальностью

Люди начали массово жить в одиночестве всего 50–60 лет назад, поэтому отсутствие достаточно внятной политики в вопросе *жизни соло* не удивительно. Процесс увеличения числа одиночек время от времени пытаются повернуть вспять, однако неудачно. Кляйненберг призывает перестать тратить энергию на борьбу с этим феноменом, а начать думать о том, как создать условия для комфортной жизни одиночек. По мнению автора, само по себе увеличение числа одиноко живущих людей не является социально опасным явлением, как это часто пытаются изобразить. Однако одиночество в старших возрастных группах может усугублять ряд серьезных социальных проблем, вести к изоляции престарелых и больных людей, к их выключению из общества. Основное внимание в проблеме одиночества, таким образом, следует обратить на больных и пожилых людей, оказавшихся в изоляции от остального сообщества. Именно для них одиночество может иметь серьезные, порой даже трагические последствия.

В своей книге автор не ограничивается только теоретическими изысканиями, но и предлагает реальные пути для решения проблем одиночек. Речь идет, например, о необходимости перейти от системы домов престарелых и дешевых отелей для одиночек к созданию комфортных

условий для проживания пожилых одиноких людей. Не меньшей важностью обладает поддержание связи (будь то телефон или общение в Интернете) с теми, кто живет в изоляции. Правда, идея, выдвигаемая автором на этот счет, весьма экзотична: по его мнению, функции ухода за пожилыми людьми, а также предоставление возможности удобного доступа в Интернет в недалеком будущем могут выполняться специальными роботами-сиделками.

В целом, несмотря на весьма вдохновляющее содержание книги Э. Кляйненберга, профессиональный читатель, возможно, не найдет в ней полного удовлетворения. Книга все-таки рассчитана на широкую читательскую аудиторию, и потому методологическая выверенность выводов автора вызывает сомнения. Так, например, принципиальный для данной темы вопрос о том, какие последствия *жизнь соло* имеет для представителей различных социальных групп, оказывается лишь поверхностно раскрытым в том числе и потому, что сами группы выделяются автором неконвенционально. Кляйненберг сконцентрировал свое внимание на четырех группах одиночек: молодые взрослые люди в возрасте от 28 до 40 лет; представители среднего класса в возрасте от 40 до 65 лет; небогатые люди, проживающие в отелях для одиночек, в возрасте от 30 до

65 лет; престарелые люди (65 лет и старше). Откуда берутся подобные возрастные интервалы, каким образом они пересекаются с признаком материального благосостояния, остается неясным. К сожалению, в книге множество подобных методологических огрехов. По-видимому, опираясь на научный способ получения знания о реальности, автор все же не ставит перед собой задачу построения систематизированной картины заинтересовавшего его социального явления. Пока это просто первый экскурс в малоизведанную тему. Что, впрочем, не отменяет ценности книги Эрика Кляйненберга. Ведь благодаря ей социологи могут еще раз убедиться в необходимости развивать более объемный взгляд на социальную действительность.

Одиночество занимает важное место в жизни каждого человека, именно оно, по мнению автора, позволяет лучше узнать самого себя и способствует рождению новых идей. Этому способствует и прочтение книги «Жизнь соло», которая, на наш взгляд, будет интересна всем тем, кто не безразличен к вопросу жизни в одиночестве и готов оценить его многогранность. Книга Кляйненберга о новой социальной реальности помогает отбросить однобокий взгляд на существование *одиночек* и совершить еще один шаг к пониманию современного мира .

Алена Артамонова

студентка факультета социальных наук НИУ ВШЭ

Данная статья¹ посвящена образованию семейных отношений, а точнее – старту брачно-партнерских биографий россиян. Главной задачей исследования было выяснить, является ли незарегистрированный союз самостоятельным институтом в нашей стране или это только «придаток» к браку, его пробная версия. Во многих западноевропейских странах незарегистрированные союзы достаточно давно превратились из формы девиантного поведения в альтернативу браку². В России же официальные браки долгое время были ранними и универсальными. Возраст вступления в первый брак начал заметно расти лишь в 1993 г. (например, с 1999 по 2004 г. средний возраст вступления в брак вырос с 25,0 до 26,1 лет для мужчин и с 23,1 до 23,3 лет для женщин). При этом увеличивалось и количество незарегистрированных союзов, причем возраст вступления в них снизился. Исследователи расценили эти тенден-

¹ Статья написана на основе исследования, выполненного в рамках проекта №14-05-0055 «Изучение динамики формирования и развития семей и процессов рождаемости на данных выборочных обследований» по конкурсу исследовательских проектов научных групп Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ».

² Gerber T. Changing Family Formation Behavior in Post-Socialist Countries: Similarities, Divergences, and Explanations in Comparative Perspective // Draft Presentation at “1989 Twenty Years Conf.” 2009; Mills M. Stability and Change: The Structuration of Partnership Histories in Canada, the Netherlands, and the Russian Federation // European Journal of Population-Revue Europeenne De Demographie. 2004. Vol. 20. No 2. P. 141–175.

Природа незарегистрированных союзов в России

ции как свидетельство наступления в России второго демографического перехода³, при котором сожителство является самостоятельным институтом и распространение которого происходит в ответ на изменение ценностей, стремление к получению образования и саморазвитию в городах. В таких условиях расширение незарегистрированных союзов провоцируют существенные изменения в сфере организации близких личных отношений, сексуальности и деторождения, свидетельствующее об окончании «золотого века» традиционного брака.

Вместе с тем существует и иная точка зрения, согласно которой в России сожителство пока является лишь пробной версией брака, во время которой проверяется совместимость партнеров.

Ответ на вопрос о природе незарегистрированных союзов важен для грамотного конструирования семейной политики государства, поскольку до тех пор пока сожителство выступает всего лишь первым шагом на пути к браку, государству не нужно вводить дополнительные меры по регулированию брачно-партнерских отношений.

В данной статье мы рассматриваем феномен сожителства через призму социологии жизненного пути. И потому первым делом остановимся на том, какие методы исследования используют специалисты, работающие в этой области.

Основные понятия социологии жизненного пути

За последние 30–40 лет область исследований жизненного пути значительно расширилась и стала междисциплинарной, объединив социологию, антропологию, демографию, экономику и психологию развития. В рамках данного направления жизненный путь индивида принято изучать в терминах процесса развития,

культурно и нормативно сконструированных жизненных этапов и соответствующих им возрастным ролям⁴. Таким образом, жизненный путь – это множество автономных линий развития, которые сходятся и расходятся, но не мыслятся отдельно друг от друга; это цепочки фаз жизни, которые вместе с опытом приобретают в процессе социализации индивида различное значение⁵. Специалисты разделяют жизненный путь человека с детства до преклонных лет на различные сферы: семью, образование, работу.

Основополагающим здесь является понятие «индивидуального жизненного пути». Элдер понимает под этим последовательность действий и событий в различных сферах жизни и в институционализированных полях деятельности, результат стремлений, установок, нормативных представлений человека, которые он реализует в зависимости от своих потребностей, мотивов и при наличии соответствующих условий и ресурсов⁶. Другими важными понятиями, которые он описывает, являются «статусный переход» и «траектория». Статусный переход – это значимое дискретное событие в

жизненном пути человека, ведущее к изменению его социального положения, устройства жизни, социальной идентичности и ролевой причастности. Траектория представляет собой последовательность связанных состояний внутри концептуально определенного диапазона поведения или опыта, состоящую из статусных переходов, представленных в краткосрочной перспективе. Социальные жизненные пути выстраиваются в институционализированную траекторию.

Главным связующим звеном событий, происходящих в индивидуальной биографии, является время. В качестве исходного события для хронологического выстраивания этих изменений чаще всего используется дата рождения человека, а статусные переходы соотносятся с возрастом. Брачно-партнерские союзы – это процессы, также развивающиеся во времени. Наиболее подходящими моделями для изучения длительности пребывания в каком-либо состоянии являются модели времени жизни (*event history analysis* или *survival analysis*).

Специфика использования метода «Анализ наступления событий»

Анализ наступления событий традиционно применяется в количественных исследованиях жизненного пути для рассмотрения жизненных траекторий, их сопоставления, поиска закономерностей и прогнозирования развития. Изначально данный метод использовался преимущественно аналитиками в страховых компаниях при страховании жизни клиентов. С его помощью компания оценивала потенциальный риск летального исхода (страховой случай) или среднее время выживания клиента с учетом сопутствующих рисков, что и определяло размер индивидуальных страховых взносов. Позже метод стал применяться в медицине, а затем его адаптировали для своих целей специалисты в других областях, в том числе и социологи.

В результате использования данного типа анализа исследователи по-

⁴ Elder Jr., Glen H. Age Differentiation and the Life Course // *Annual Review of Sociology*. 1975. Vol. 1. P. 165–190; Mayer K.U. Whose Lives? How History, Societies, and Institutions Define and Shape Life Courses // *Research in Human Development*. 2004. Vol. 1. No 3. P. 161–187; Mayer K.U. New Directions in Life Course Research // *Annual Review of Sociology*. 2009. Vol. 35. No. 1. P. 413–433; Mills M. Providing Space for Time The Impact of Temporality on Life Course Research // *TIME & SOCIETY*. 2000. Vol. 9. No. 1 (March). P. 91–127; Seuersten Jr., Mayer K.U. The Measurement of Age, Age Structuring, and the Life Course // *Annual Review of Sociology*. 1997. Vol. 23. No. 1. P. 233.

⁵ Митрофанова Е.С. Репродуктивные и брачно-партнерские события первого порядка как элементы жизненного пути современных россиян // *Ученые записки Открытого демографического семинара молодых ученых*: Тетрадь 2: сб. ст. М.: МАКС Пресс, 2012.

⁶ Elder Jr, Glen H., Johnson M.K., Crosnoe R. The Emergence and Development of Life Course Theory // *Handbooks of Sociology and Social Research*. New York: Springer, 2003. P. 14.

³ Zakharov S. Russian Federation: From the First to Second Demographic Transition // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. P. 907–972; Avdeev A., Monnier A. Marriage in Russia: A Complex Phenomenon Poorly Understood // *Population: An English Selection*. 2000. Vol. 12. P. 7–49.

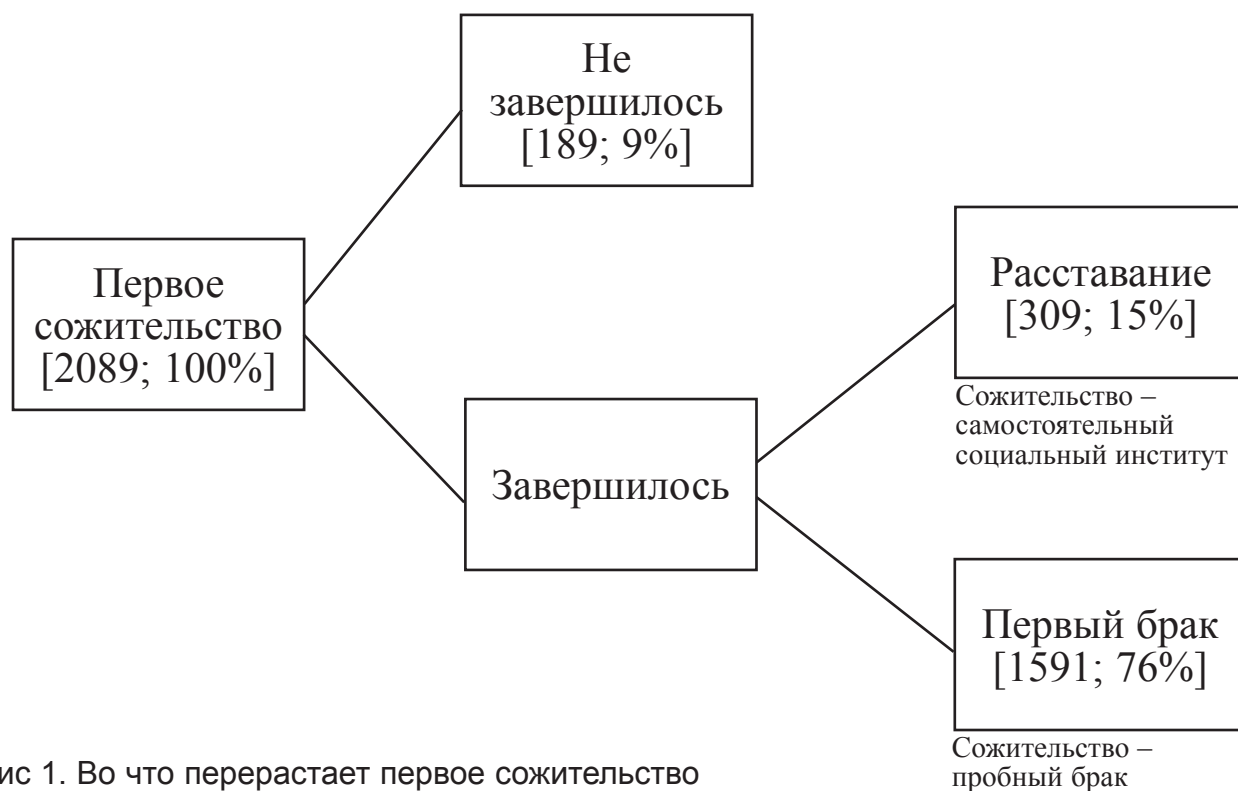

Рис 1. Во что перерастает первое сожитительство

лучают зависимости риска наступления или ненаступления события от продолжительности пребывания объекта в группе риска, а также от ряда других характеристик объекта и внешних факторов, влияющих на этот риск. Метод позволяет представить риск наступления события в виде функции, зависящей от времени, и оценить влияние каждой из независимых переменных на этот риск. Так, для реализации метода необходимы: событие (в данном исследовании это вступление в союз), объекты (респонденты в определенном возрасте), время (количество месяцев с момента достижения репродуктивного возраста до вступления в союз), а также объясняющие и стратифицирующие переменные (пол, тип населенного пункта, поколение и уровень образования).

В данном исследовании для анализа использовался частный случай метода, так называемая регрессия Кокса. Оценки распределения функции риска для модели Кокса не требуются. Основопологающим допущением моделей является пропорциональность рисков: риски наступления события для любых двух респондентов пропорциональны, и коэффициент пропорциональности не зависит от времени. Включение контролируемых переменных по-

зволяет получить оценки риска наступления события при фиксированных значениях каждого параметра и прочих равных. Это снижает смещение оценок. По крайней мере, они становятся очищенными от влияния тех факторов, которые наблюдаемы и могут быть включены в анализ⁷. Метод анализа наступления событий применяется в исследованиях, базирующихся в основном на панельных данных, ставших своеобразным золотым стандартом количественного подхода в социологии жизненного пути⁸.

В рамках представляемого мною исследования для анализа использовалась панельная часть базы обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ)⁹ – межнационального, сравнительного исследования прошлой и будущей динамики семей-

⁷ Бурдяк А.Я. Применение метода «Анализ наступления события (event history analysis)» с помощью пакета SPSS // SPERO. 2007. № 6 (весна-лето). С. 191.

⁸ Mayer K.U. New Directions in Life Course Research // Annual Review of Sociology. 2009. Vol. 35. P. 413–433.

⁹ Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Проект в рамках панъевропейской программы «Поколения и гендер». URL: http://www.socpol.ru/research_projects/proj12.shtml

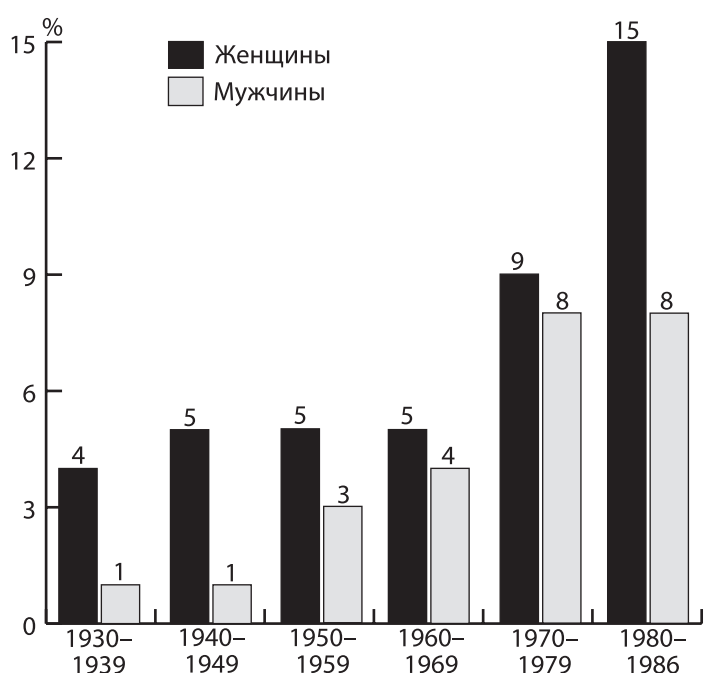
ных отношений в современных индустриальных странах. В настоящий момент доступны данные всех трех волн исследования, проведенных в 2004, 2007 и 2011 гг. Для анализа использовалась подвыборка из 4880 наблюдений, куда попали представители поколений 1930–1986 годов рождения, у которых первое matrimoniальное событие наступило в возрасте до 30 лет. Анализировались только первые союзы, поскольку большинство россиян имеют только один брак и/или сожитительство в течение жизни. Далее обратимся непосредственно к рассмотрению главного исследовательского вопроса данной работы.

Является ли незарегистрированный союз альтернативой браку в России?

Для того чтобы выявить природу незарегистрированного союза в России, необходимо смоделировать все возможные варианты развития первого сожитительства (рис. 1). Если сожитительство завершилось браком, его следует считать пробной версией зарегистрированного союза, но никак не альтернативой ему.

Данный методологический прием позволяет увидеть, что только 9% анализируемых сожитительств продолжают длиться на момент опро-

Сожительство как самостоятельный институт

Сожительство как проба брака

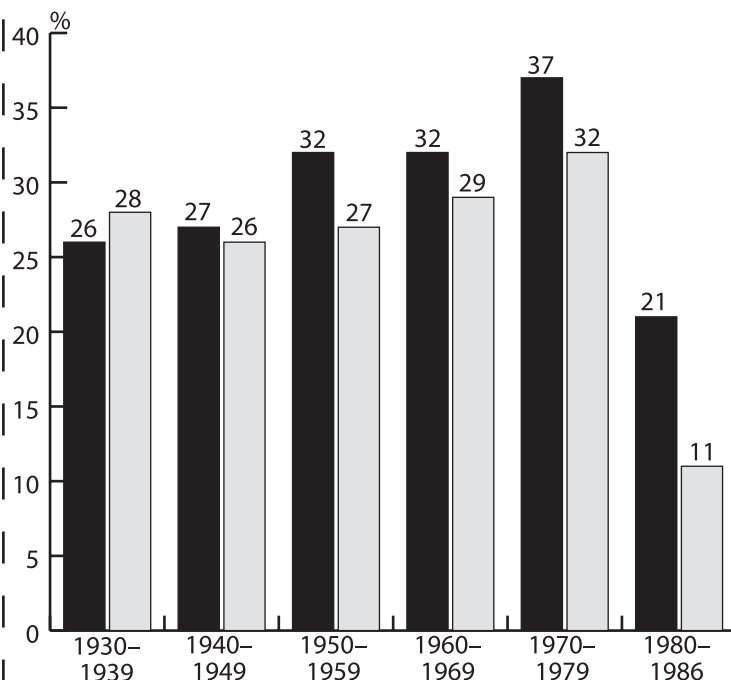

Рис. 2. Распределение вариантов развития первого сожительства по полу и поколениям

Таблица 1

Модели пропорциональных рисков для переменной «Достижения возраста 15 лет – вступления в первый союз»

Объясняющие переменные	15 лет – первое сожительство			15 лет – первый брак		
	Коэффициенты модели			Коэффициенты модели		
	B	Sig.	Exp(B)	B	Sig.	Exp(B)
Пол референтная группа: мужчины	0,261	0,000	1,298	0,353	0,000	1,423
Образование референтная группа: высшее	–	0,000	–	–	0,000	–
средне-специальное	0,498	0,000	1,646	0,301	0,000	1,351
профессиональное	0,184	0,013	1,202	0,280	0,000	1,323
Тип населенного пункта референтная группа: областной центр	–	0,000	–	–	0,000	–
город	0,255	0,000	1,291	–0,210	0,000	0,811
поселок городского типа	–0,421	0,003	0,657	–0,051	0,475	0,950
село	–0,152	0,043	0,859	0,066	0,150	1,068
Базовые характеристики моделей	–2 Log Likelihood	Chi-square	Sig.	–2 Log Likelihood	Chi-square	Sig.
	15659,9	98,8	0,000	15659,9	98,8	0,000
Объем выборки	События		3139	События		1242
	Цензуриров.		624	Цензуриров.		2521
	Всего		3763	Всего		3763

Вероятность вступления в первый союз после 15 лет

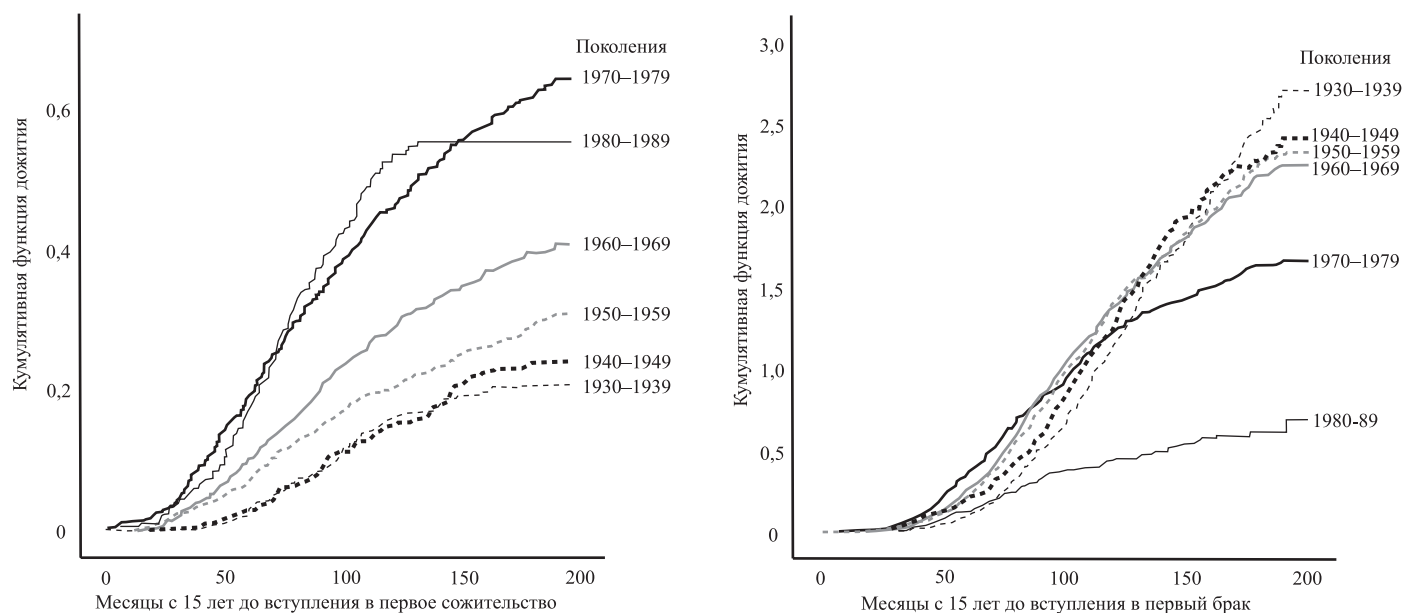

Рис. 3. Вероятность вступления в первый союз (стратификация по поколению)

са. 91% союзов либо закончились расставанием (в 15% случаях), либо переросли в первый брак (в 76% случаях). Первая модель поведения демонстрирует, что сожительство было самостоятельным союзом, вторая – что сожительство выступало в качестве «пробного брака». Данная схема показывает, что сожительство пока нельзя назвать самостоятельным социальным институтом в России.

Чтобы понять, изменилось ли восприятие сожительства представителями нового поколения, были построены распределения как сожителей, которые выступали самостоятельным институтом, так и сожителей, которые были пробным браком, по полу и поколению (рис. 2). Доля людей, начавших свои матримониальные биографии с сожителей, которые переросли в брак, не снижается со временем. В то же время среди поколений, родившихся в 1970-х и позже, растет доля людей, для которых сожительство не перерастает в брак.

Рассмотрим, какими характеристиками наделены люди, склонные не регистрировать свои отношения, а какими – люди, предпочитающие вступить в брак. Как уже было указано выше, метод анализа наступления

событий позволяет сравнивать вероятности вступления в союзы разных типов для представителей нескольких поколений россиян (табл. 1).

Коэффициенты моделей показывают, что женщины имеют большую вероятность вступить как в зарегистрированный, так и в незарегистрированный союз по сравнению с мужчинами. Респонденты, живущие в поселке городского типа и селе, имеют почти в 0,654 и 0,856 раза меньше шансов вступить в первое сожительство, жители же городов имеют в 1,293 раза больше шансов вступить в незарегистрированный союз по сравнению с представителями референтной группы (людьми, живущими в областных центрах). Примечательно, что вероятности вступления в зарегистрированный союз статистически не различаются для жителей населенных пунктов разных типов. Референтной группой для переменной «образование» являются респонденты с высшим образованием. Респонденты со средне-специальным и средне-профессиональным образованием имеют больше шансов вступить в союз любого типа по сравнению с представителями референтной группы.

Рисунок 3 иллюстрирует, что по сравнению с молодежью, т.е. с поко-

лением 1980–1986 годов рождения, остальные поколения имеют меньше шансов вступить в незарегистрированный союз, но в несколько раз больше шансов вступить в первый брак.

* * *

Таким образом, подводя итоги, можно утверждать, что пока сожительство не является альтернативой браку в России. В ходе анализа было выявлено, что 76% первых сожителей, завершившихся на момент опроса, являлись приложением к зарегистрированному союзу, однако различия в матримониальном поведении россиян со временем увеличиваются. Сожительства как самостоятельные союзы становятся все более распространенными среди молодого поколения россиян. Примечательно, что молодые люди с высшим образованием склонны не регистрировать свои отношения, причем данная тенденция в большей степени характерна для жителей мегаполисов, чем для тех, кто проживает в сельской местности. Это свидетельствует о некоторой деинституционализации жизненного пути россиян в брачно-партнерской сфере, но оснований говорить об отмирании традиционного брака пока нет.

Экзаменационная находилка

Наушники

Мобильный телефон

Конспекты лекции

⋮ Консультация с соседом

⋮ Учебник

⋮ Шпаргалки

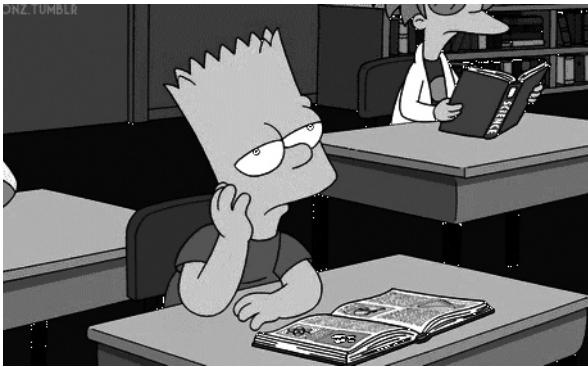
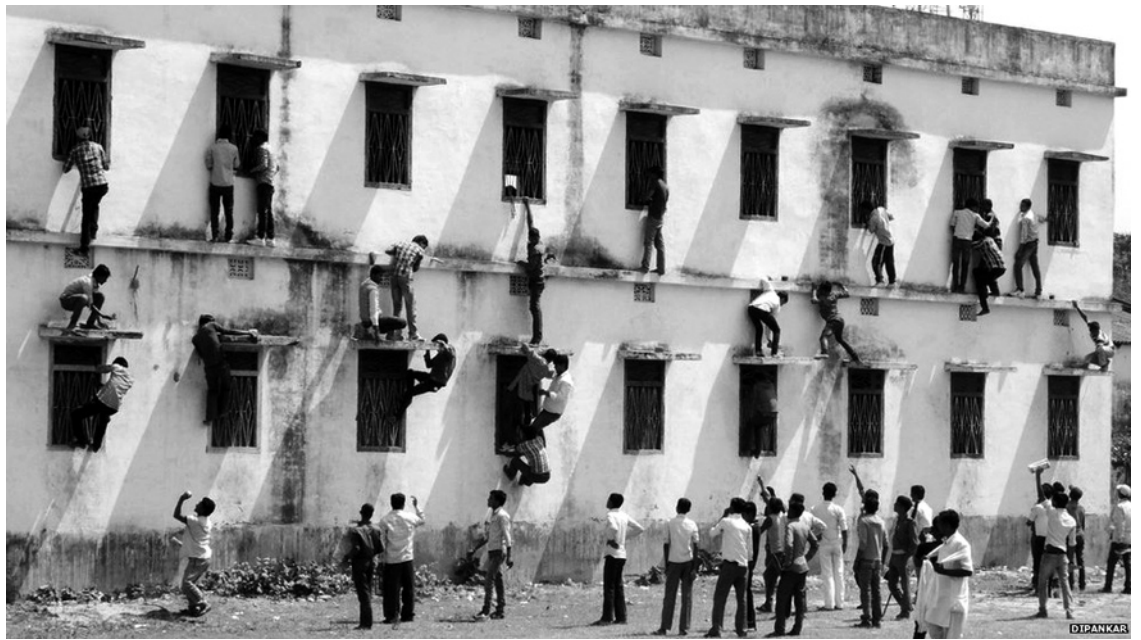

Временный
татуаж

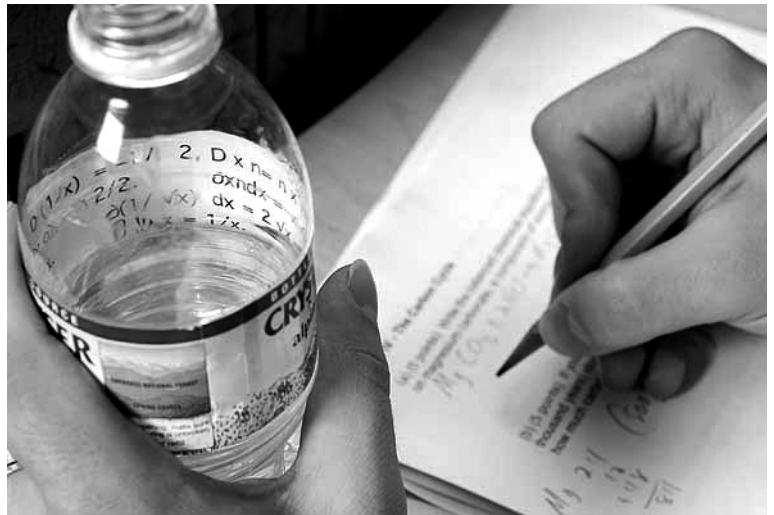

Окно
возможностей

Студент с другого факультета

Живительная вода

Очки

Часы

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Научный руководитель

Вадим Радаев

доктор экономических наук, профессор
департамента социологии, первый проректор,
руководитель ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Редакционный совет

Зоя Котельникова

кандидат социологических наук, доцент
департамента социологии, старший научный
сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Елена Бердышева

кандидат социологических наук,
старший преподаватель департамента социологии,
старший научный сотрудник ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Елена Конобеева

аспирант департамента социологии,
стажер-исследователь ЛЭСИ НИУ ВШЭ

Софья Урманчева

журналист, редактор

Художественный редактор (дизайн и верстка)

Мария Мишина

социальный психолог, журналист,
дизайнер

Отдельная благодарность

Корректору Елене Евгеньевне Андреевой

НАШИ АВТОРЫ

Иван Аймалиев

младший научный сотрудник ЛЭСИ,
младший научный сотрудник Лаборатории
социологического анализа НИУ
ВШЭ

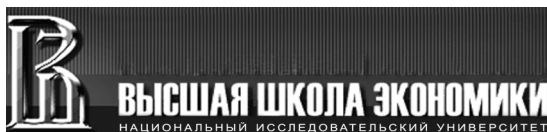
Анастасия Баранник

студентка факультета социальных наук
НИУ ВШЭ

Алена Артамонова

студентка факультета социальных наук,
участник Научно-учебной группы «Ис-
следование рождаемости, формирования, раз-
вития и распада семей на данных выбо-
рочных обследований» Института демо-
графии НИУ ВШЭ

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
web: www.hse.ru

ЛАБОРАТОРИЯ
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая,
д. 9–11, комн. 530
тел.: 8 (495) 772 95 90 доб. 12452
e-mail: kotelnikova@hse.ru
web: <http://www.hse.ru/mag/newsletter/>

Адрес редакции

Россия, 101000, г. Москва,
ул. Мясницкая, д. 9–11, комн. 530
тел.: 8 (495) 772 95 90 доб. 12452

Выходит один раз в два месяца
Тираж 500 экз.

Распространяется бесплатно

Веб-версия номера:

<http://www.hse.ru/mag/newsletter/>